

Е. Г. ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ

**Фобия логического пространства:
Витгенштейн об отрицании и противоречии**

Во все я веру потерял,
Мне отрицание дороже,
И из того, что я сказал,
Я ничему не верю тоже.

А. Додде

1. Витгенштейн, Тьюринг и большевизм

К двадцатому веку принцип противоречия, освященный авторитетом Аристотеля и двухтысячелетней историей логики, не утратил своего царственного величия. «Сегодня, как и раньше, — констатирует в 1910 г. Ян Лукасевич, — мы верим, что принцип противоречия является наиболее достоверным законом мышления и бытия и что отрицать его может только безрассудный. Его истинность с непосредственной очевидностью бросается в глаза каждому, этот принцип не требует и не может иметь обоснования. Верить в это нас научил Аристотель»¹. Однако именно этот принцип, к противникам которого Аристотель относился с нескрываемым гневом и презрением², стал главным объектом критической рефлексии в кембриджских лекциях по основаниям математики, прочитанных Людвигом Витгенштейном в 1932 г.³

Критический пафос этих лекций направлен в первую очередь против понятия скрытого противоречия. «Оно является скрытым до тех пор, пока не обнаружено?», — задается Витгенштейн вопросом и замечает: «Тогда до тех пор, пока оно скрыто, я скажу, что оно не хуже золота. И, будучи открыто, оно может не нанести никакого вреда»⁴. Он характеризует страх перед скрытым противоречием как суеверие математиков, преодолеть которое не составляет особого труда. «Ну, тогда, — рекомендует Витгенштейн, — не извлекайте никаких выводов из противоречия; сде-

¹ *Лукасевич Я.* О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 56.

² Там же. С. 53.

³ Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939, Diamond C. (Ed.). Harssocks: Harvester, 1976.

⁴ Ibid. P. 219.

лайте это правилом. Вы можете постановить: всегда есть время, чтобы справиться с противоречием, когда мы доберемся до него. Когда мы дойдем до него, не должны ли мы просто сказать: “Это не следует использовать — и мы не будем извлекать из него никаких выводов?”»⁵. Свои рекомендации Витгенштейн решительно распространяет на системы, доказательство противоречивости которых привело к кризису в основаниях современной ему математики. «В системе Фреге, — замечает он, — вы можете получить p . $\sim p$. Насколько я вижу, вся неприятность, в которую вы рискуете попасть, сводится к тому, что вы можете сделать любой вывод из этого [то есть из p . $\sim p$]. Я бы сказал в таком случае: “Хорошо, тогда просто не делайте никаких выводов из противоречия”»⁶.

Безусловно, экстравагантно-волюнтаристские рекомендации Витгенштейна шокируют, опасно сближая его с математиком из известного анекдота, который после предупреждения о том, что следующий шаг рассуждения приведет его к парадоксу, заявил: «Тогда я не буду делать этого шага»⁷. Неслучайно многими критиками отношение Витгенштейна к противоречию оценивалось как легкомысленное и даже абсурдное⁸, а вся его поздняя философия математики — как практически бесполезная и чуждая основным тенденциям развития современной ему науки. «Комментарии Витгенштейна по поводу логики и математики в поздний период его творчества показывают, что он мало что понял из того, что делали математики и логики»⁹, — полагает Яаакко Хинтикка, признающий, правда, гениальность Витгенштейна даже в его ошибках. Хорошо известна резко негативная оценка философской эволюции Витгенштейна Бертраном Расселом. «Поздний Витгенштейн... кажется, устал от серьезного мышления, — сетует он, — и изобрел доктрину, которая сделала бы такую деятельность ненужной»¹⁰.

В своем критическом отношении к философии математики позднего Витгенштейна большинство оппонентов апеллирует

⁵ Ibid. P. 209.

⁶ Ibid. P. 220.

⁷ Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 282.

⁸ Начало критике положила статья: Chihara, C. S. Wittgenstein's Analysis of the Paradoxes in his 1939 Lectures on the Foundations of Mathematics // *Philosophical Review*, 1977, n. 86.

⁹ Хинтикка Я. О Витгенштейне // Хинтикка Я. О Витгенштейне. Витгенштейн Л. Из «лекций» и «заметок». М.: Канон+, 2013. С. 85.

¹⁰ Russell B. My Philosophical Development. New York: Simon and Schuster, 1929. P. 216–217.

к авторитету Алана Тьюринга, которому довелось стать главным защитником принципа противоречия непосредственно в процессе чтения Витгенштейном кембриджского курса. В ответ на его рекомендацию «сделать правилом» запрет на извлечение следствий из противоречия, Тьюринг замечает: «Но этого недостаточно. Ибо если некто принял это правило, он может обойти его и получить любой вывод, какой захочет, фактически не обращаясь к противоречию»¹¹. Действительно, если в противоречивой системе выводимо как p , так и $\sim p$, для выведения произвольной формулы нет необходимости эксплицитно фиксировать противоречие $p \& \sim p$, поскольку уже из $\sim p$ (конечно, при условии выводимости p) будет выводима любая формула. Скрытое противоречие в системе опасно, согласно Тьюрингу, тем, что оно может повлечь ошибки в приложениях, скажем, привести к тому, что начнут рушиться мосты¹². Однако Витгенштейн считает ответственными за возможное обрушение мостов не логические противоречия, а ошибки в вычислениях и неверные коэффициенты, подчеркивая, что «Тьюринг не возражает против того, что я говорю. Он согласен с каждым словом. Он возражает против той идеи, которая лежит, как он думает, в основе. Он полагает, что мы подрываем математику, вводя большевизм в математику»¹³.

Задача этой статьи — отвести от Витгенштейна предполагаемое обвинение в «большевизме», проследив эволюцию его взглядов на отрицание и противоречие как развитие *грамматической* теории.

2. Ранний Витгенштейн: онтология противоречия

В «Логико-философском трактате» Витгенштейн, в отличие от Г. Фреге, рассматривает утверждение истинности как внутреннее свойство высказывания. «Если бытие любой мысли, — рассуждает Фреге, — есть бытие истины, то выражение «ложная мысль» столь же противоречиво, что и выражение «несуществующая мысль»; тогда выражение, «мысль, что три больше, чем пять» пусто, и поэтому в науке мы вообще не имеем права им пользоваться — разве что заключив его в кавычки; в этом случае мы не имеем права говорить также: «то, что три больше пяти,

¹¹ Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939, Diamond C. (Ed.). Hassocks: Harvester, 1976. P. 220.

¹² Ibid. P. 217.

¹³ Ibid. P. 67.

ложно», ибо грамматический субъект в этом случае пуст»¹⁴. Он делает вывод, что бытие мысли «не состоит в ее бытии как истины»¹⁵, различая «1) постижение мысли — мышление, 2) признание истинности некоторой мысли — процесс суждения, 3) изречение этого суждения — процесс утверждения»¹⁶.

Для Витгенштейна не имеет смысла говорить о каком-либо познавательном отношении субъекта к мысли — ее постижении, признании ее истинности или ее утверждении. «Мысль, — полагает он, — есть осмысленное предложение»¹⁷. «Каждое предложение должно *уже* иметь некоторый смысл; утверждение не может придать ему смысл, потому что оно утверждает именно смысл. То же самое относится и к отрицанию»¹⁸. Согласно Витгенштейну, любое атомарное предложение утвердительно и не нуждается в дополнении внешним актом утверждения. «Простейшее предложение, элементарное предложение, — пишет он, — утверждает существование атомарного факта. Признаком элементарного предложения является то, что ни одно элементарное предложение не может ему противоречить»¹⁹. Таким образом, отрицательное высказывание может быть только неэлементарным, функцией истинности отрицаемого элементарного высказывания. Оно не создает новую «негативную» реальность, но определяет новое место в *логическом пространстве*. Как отмечает Витгенштейн, «отрицание уже связывается с логическим местом, которое определяется отрицаемым предложением. Отрицающее предложение определяет *другое* логическое место, нежели отрицаемое предложение. Отрицающее предложение определяет логическое место с помощью логического места отрицаемого предложения, описывая первое как лежащее вне последнего»²⁰. Именно поэтому «противоречие заполняет все логическое пространство и ничего не оставляет действительности»²¹.

Впрочем, наряду с отрицанием в логическом пространстве возникает иное оппозитивное отношение взаимного исключения. «Поскольку существует только логическая необходимость, —

¹⁴ Фреге Г. Отрицание. Логическое исследование // Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 343.

¹⁵ Там же. С. 344.

¹⁶ Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 329.

¹⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. 4.

¹⁸ Там же. 4.064.

¹⁹ Там же. 4.21–4.211.

²⁰ Там же. 4.0641.

²¹ Там же. 4.463.

утверждает Витгенштейн, — постольку также существует только логическая невозможность. Например, для двух цветов невозможно находиться одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета»²². Таким образом, пары высказываний «Предмет А красный» и «Предмет А голубой», «Предмет А светло-голубой» и «Предмет А темно-голубой» не просто несовместимы, но логически исключают друг друга. Признание взаимного исключения элементарных высказываний о цветовых свойствах входит, однако, в противоречие с трактатным принципом независимости элементарных высказываний. Витгенштейн видит эту трудность. «Ясно, — отмечает он, — что логическое произведение двух элементарных предложений не может быть ни тавтологией, ни противоречием. Утверждение, что точка в поле зрения в одно и то же время имеет два различных цвета, есть противоречие»²³. Разрешение именно этой коллизии, получившей название проблемы исключения цветов (*the color exclusion problem*), стало главным стимулом к существенному пересмотру Витгенштейном логико-семантической концепции «Трактата».

3. Средний Витгенштейн: феноменология противоречия

В работах 1929 г. «Некоторые замечания о логической форме» и «Беседы, записанные Ф. Вайсманном», Витгенштейн разрешает проблему исключения цветов, продолжая настаивать на элементарности высказываний о цветовых свойствах, но жертвуя принципом независимости элементарных высказываний. Такая жертва влечет постановку новой задачи адекватной репрезентации логической формы элементарных высказываний «посредством того, что можно было бы назвать логическим исследованием самих феноменов, т. е. в определенном смысле а posteriori, а не строя предположения о возможностях a priori»²⁴. Феноменологический проект «логического исследования самих феноменов» включает исследование разнообразных форм пространственных и временных объектов, «вроде цветов, звуков и т. д. с их градациями, непрерывными переходами и соединениями в различных пропорциях, все из которых мы не можем

²² Там же. 6.375–6.3751.

²³ Там же. 6.3751.

²⁴ Витгенштейн Л. Некоторые замечания о логической форме // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+, 2009. С. 322.

охватить нашими обычными средствами выражения»²⁵. Таким образом, логическое пространство утрачивает былую формально-онтологическую гомогенность, распадаясь на множество регионов.

В «Философских заметках» («*Philosophical Remarks*»), начатых в том же 1929 г., но опубликованных лишь в 1964 г., Витгенштейн выделяет различные виды пространства: пространства цвета (§1) и слуха (§ 42), кинестетическое (§ 73), тактильное (§214) и визуальное (§206) пространства, пространство боли (§82) и др.²⁶. Отрицающее высказывание должно относиться к тому же региону логического пространства, что и отрицаемое. «“Я не испытываю боли” не отсылает, — подчеркивает Витгенштейн, — к ситуации, в которой не может быть речи о боли, напротив, мы говорим именно о боли. Я описываю мое нынешнее состояние, упоминая то, что не имеет места. Я сравниваю это состояние с другим, с которым оно должно быть, следовательно, сравнимо. Оно должно располагаться также в пространстве боли (*in pain-space*), пусть и в другой точке. В противном случае, мое высказывание значило бы нечто вроде: мое нынешнее состояние не имеет ничего общего с состоянием боли, подобно тому, как я мог бы сказать, что цвет этой розы не имеет ничего общего с завоеванием Цезарем Галлии»²⁷. Элементарные высказывания, соотнесенные с системами координат различных пространств, не могут противоречить друг другу. Это не означает, однако, что, как полагал Фрэнк Рамсей, Витгенштейн сводит затруднение с формальной несовместимостью элементарных высказываний к «затруднению с необходимыми свойствами пространства, времени, материи или чего-то еще»²⁸. Ошибочность интерпретации Рамсея обусловлена, на мой взгляд, недостаточным вниманием к грамматическому характеру феноменологического проекта Витгенштейна.

«То, что я сказал в *Трактате*, — признает Витгенштейн в «Философских заметках», — не исчерпывает грамматические правила для «и», «не», «или» и т. д.; есть правила для функций истинности, которые имеют дело также с элементарными частями высказывания»²⁹. И далее: «Правила для «и», «или», «не» и т. д.,

²⁵ Там же. С. 324.

²⁶ См.: Wittgenstein L. *Philosophical Remarks*. Oxford: Blackwell, 1964.

²⁷ Ibid. P. 110–111.

²⁸ Рамсей Ф. П. Критические замечания о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Рамсей Ф. П. Философские работы, М.: Канон+, 2011. С. 326.

²⁹ Wittgenstein L. *Philosophical Remarks*. Oxford: Blackwell, 1964. P. 35.

которые репрезентируются с помощью T-F — нотации, являются частью грамматики этих слов, но не целым»³⁰. Предлагая репрезентировать пространство цвета в виде октаэдра, Витгенштейн ничего не говорит о необходимых физических свойствах цвета или о физиологических особенностях цветовосприятия. Напротив, он заявляет с полной определенностью: «Цветовой октаэдр — это грамматика, так как он говорит, что вы можете сказать о красновато-голубом, но не о красновато-зеленом цвете и т. д.»³¹.

Таким образом, разрабатывая феноменологический проект 1929 г., Витгенштейн продолжает грамматическую работу по сооружению строительных лесов мира, начатую в «Логико-философском трактате». Правда, теперь он осторожнее относится к онтологизации оппозитивных отношений между высказываниями. «Оказалось, — замечает Витгенштейн, — что высказывания более похожи на измерительные рейки, чем я считал ранее. Тот факт, что одно измерение правильно, автоматически исключает все остальные. Я говорю автоматически: подобно тому, как все деления шкалы находятся на одной рейке, высказывания, соответствующие делениями шкалы, должны согласовываться друг с другом, и мы не можем измерять с помощью одного из них без того, чтобы не измерять с помощью других»³². Высказывания исключают друг друга не потому, что занимают различные места в онтологизированном логическом пространстве, а потому, что соответствуют различным делениям шкалы, то есть определенной системы координат логического пространства — шкалы цвета, движения, боли и т. п. Переключение внимания со статики логического пространства на динамику грамматически корректных действий, в которых конституируются его регионы, обуславливает, в конечном счете, переход позднего Витгенштейна к терапевтической концепции противоречия, утрачивающей в контексте его грамматических размышлений о природе оппозитивных отношений свой пресловутый «большевистский» запал.

4. Поздний Витгенштейн: терапия противоречия

В поздний период своего творчества Витгенштейн делает особый акцент на пагубности смешения исследований свойств объектов с грамматическим анализом. Геометрия, апелляция к которой создает иллюзию физикалистской направленности

³⁰ Ibid. P. 36.

³¹ Ibid. P. 33.

³² Ibid. P. 110.

феноменологического проекта Витгенштейна 1929 г., не является, как подчеркивается в его лекциях 1932–1935 гг., «физикой геометрических прямых линий и кубов. Она конституирует значение слов «линия» и «куб». Роль, которую куб играет в геометрии, — это роль *символа*, а не роль твердого тела, с которым приблизительно сравним реальный куб»³³.

Безусловно, трактовка геометрии как исчисления, конституирующего значения используемых в нем символов, сближает Витгенштейна с Д. Гильбертом, подчеркивавшим произвольность таких названий как “точка”, “прямая”, “плоскость” и квалифицировавшего как геометрию любую систему объектов, удовлетворяющую принятым аксиомам. Вместе с тем, решающим для реализации программы Гильберта являлось доказательство непротиворечивости геометрии, поскольку именно непротиворечивость системы аксиом рассматривалась им как свидетельство их истинности (выполнимости в модели). Для Витгенштейна в метафоре исчисления важно другое, а именно то, что исчисление не сводится ни к аксиоматическому построению теории, ни к ее теоретико-модельной интерпретации, а требует *действий* по правилам, которые осуществляются не в статичном логическом пространстве, а в реальном времени. Такая «смена аспекта» во взгляде на исчисления позволяет ему поставить вопрос: «Не обладают ли исчисления с противоречием своим собственным специфическим очарованием? Вероятно, скажут, что нет — такое исчисление было бы тривиально. Поскольку из противоречия следует любая формула, вы можете записать любую произвольную формулу, и от этого исчисление утратит весь свой интерес. На это я ответил бы так. В этом случае исчисление состоит (не так ли?) из двух частей, из первой части, разворачивающейся до обнаружения противоречия, и из второй части, в которой допускается запись любой формулы. Первая часть представляет интерес»³⁴. Именно понимание исчислений как действий в реальном времени с использованием конкретных инструментов открывает путь к истолкованию их возможной нетривиальной противоречивости. «Мы говорим, — замечает Витгенштейн, — что противоречие разрушило бы исчисление. Но предположим, что оно присутствует лишь в малых дозах, как бы во вспышках молний, а не в качестве постоянного инструмента вычислений,

³³ Витгенштейн Л. Желтая книга // Там же. С. 118. «Желтая книга» составлена Э. Эмброуз на основании лекций Витгенштейна 1932–1935 гг.

³⁴ Ludwig Wittgenstein und der Wiener Kreis, Schulte-McGuinness translation, Oxford, 1979. P. 196–197.

свело бы это на нет исчисление?»³⁵. Неосуществленная, пусть и планируемая, деятельность, не окружает смутным ореолом актуальное действие, а попросту не существует, поэтому специфика инструментов, которые предполагается задействовать в этой деятельности, может вообще не приниматься во внимание. Следовательно, мы не нуждаемся в теоретико-доказательственной или теоретико-модельной диагностике скрытого противоречия, лишь потенциально угрожающего исчислению. «Можно было бы сказать, — размышляет Витгенштейн, — “Обнаружение противоречия в системе, подобно обнаружению возбудителя инфекции в якобы здоровом органе, показывает, что вся система или орган больны”. Вовсе нет. Противоречие ничего не портит. Оставьте как есть. Не ходите туда»³⁶. Скрытое противоречие должно быть подвергнуто не диагностике, подобно возбудителю инфекции, но терапии, подобно фобии.

Характеризуя страх перед скрытым противоречием как суеверие математиков, Витгенштейн не переводит, однако, анализ отрицания и противоречия с логического на психологический уровень. «Не существует, — настаивает он, — ментального акта, предвосхищающего актуально предпринятые шаги. Поэтому при описании мышления отбросим ментальные акты и будем говорить просто об исчислении»³⁷. Согласно Витгенштейну, «знание правил не является состоянием сознания. Например, знание применения слова «и» не является тем же самым, что «ощущение и», о котором говорил Уильям Джеймс»³⁸. Не бывает ни негативных состояний сознания, соответствующих «ощущению не», ни противоположных друг другу состояний сознания. Известно, что Аристотель рассматривал убеждения, которым соответствуют противоречащие суждения, как противоположные и, следовательно, как содержащие скрытое противоречие, исключаящее их одновременное присутствие в одном и том же сознании, которое обладало бы в противном случае противоположными свойствами. «Если невозможно, — пишет Аристотель в “Метафизике”, — чтобы противоположности были в одно и то же время присущи одному и тому же <...> и если там, где одно мнение противоположно другому, имеется противоречие, то очевидно,

³⁵ Wittgenstein L. Remarks on the Foundations of Mathematics, 3rd edition, Oxford 1978. P. 375.

³⁶ Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939, Diamond C. (Ed.). Hassocks: Harvester, 1976. P. 138.

³⁷ Витгенштейн Л. Желтая книга // Там же. С. 119.

³⁸ Там же. С. 116.

что один и тот же человек не может в одно и то же время считать одно и то же существующим и не существующим; в самом деле, тот, кто в этом ошибается, имел бы в одно и то же время противоположные друг другу мнения»³⁹. Допуская, что мнения и суждения вступают в одни и те же отношения, Стагирит смешивает логический и психологический принципы противоречия. «Намереваясь решить проблему противоположности суждений, то есть логический вопрос, — отмечает Лукасевич, — Аристотель рассматривает проблему противоположности убеждений, а следовательно, психологический вопрос»⁴⁰. В своей терапии скрытого противоречия Витгенштейн не допускает подобного смешения. Неспособность помыслить что бы то ни было, даже будучи обнаруженной, являлась бы лишь эмпирическим фактом, который не может обосновать логический принцип. «То, что мы имеем в виду, — подчеркивает Витгенштейн, — когда говорим, что некто «не может помыслить», например, противоречие — это, очевидно, не: «Как бы он не пытался, он не сможет это сделать», но, скорее: «Мы не называем нечто “мышлением”, если только оно не является непротиворечивым или не следует правилу»»⁴¹. Принцип противоречия не может быть обоснован, но не потому, что относительно него, по словам Аристотеля, «невозможно ошибиться»⁴², а в силу его грамматического и в этом смысле произвольного характера.

«Законы логики, например, законы исключенного третьего и противоречия являются произвольными», — решительно заявляет Витгенштейн, отдавая себе отчет в эпатажности подобного заявления⁴³. Отказ от принципа противоречия не тождественен отрицанию закона природы, а скорее подобен замене принятой системы измерения или грамматической системы, причем не вследствие обнаружения их ложности, а, скажем, по причине непрактичности. Действительно, даже столкнувшись с противоречием, мы редко рассуждаем по принципу «из противоречия

³⁹ *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 125.*

⁴⁰ *Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. С. 77.*

⁴¹ *Wittgenstein L. Remarks on the Foundations of Mathematics, 3rd edition, Oxford 1978. Part I, § 116.*

⁴² «А самое достоверное из всех начал — то, относительно которого невозможно ошибиться, ибо такое начало должно быть наиболее очевидным (ведь все обманываются в том, что не очевидно) и свободным от всякой предположительности» (*Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 125*).

⁴³ *Витгенштейн Л. Желтая книга // Там же. С. 152.*

следует все, что угодно». Обычно формальное извлечение следствий вообще не является самоцелью, но служит инструментом рассуждения, которое в широком смысле может пониматься как процедура ревизии мнений. Как замечает Джильберт Харман, «даже правило "Избегайте противоречий!" имеет исключения <...> следует (хотя бы иногда) просто согласиться с противоречием, пытаясь изолировать его. Я думаю, что именно таково правильное отношение большинства обычных людей ко многим парадоксальным аргументам»⁴⁴. О таком отношении к противоречию и говорит Витгенштейн: «А что если мы хотя и нашли противоречие, но больше по его поводу не волнуемся и, например, установили, что из него не следует делать никаких выводов? (Так же как никто не делает выводов из логического парадокса "лжец")»⁴⁵. Языковая игра с противоречием возможна, но она контрпродуктивна. «Предположим теперь, — предлагает Витгенштейн, — что некий человек заявляет «Я лгу», и я говорю: «Следовательно, Вы не лжете, следовательно, Вы лжете, следовательно, Вы не лжете». Что здесь не так? Ничего. За исключением того, что это не имеет смысла, это просто бесполезная языковая игра, так зачем кому-то волноваться?»⁴⁶.

Терапия противоречия не имеет целью совершение «большевистской» революции в логике и математике, ориентируя скорее на спокойные реформы. Витгенштейн не рекомендует обшаривать с замиранием сердца потайные уголки логического пространства в поисках монстров скрытых противоречий. Здоровее упорно, аккуратно, шаг за шагом расширять освоенную территорию. При столкновении с противоречием неразумно застывать в мистическом ужасе, но практичнее подумать о замене походного снаряжения: не все, что удобно на равнине, пригодно в горной местности. К счастью, эта замена не составит труда: «Страна, о которой мы говорим, — это язык, а география — его грамматика»⁴⁷. Фобия логического пространства — безобиднейшая из фобий, поддающаяся грамматической коррекции.

⁴⁴ *Harman G. Logic and reasoning // Synthese, 1984, Vol. 60. P. 108.*

⁴⁵ *Витгенштейн Л. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы (часть II, книга 1). М.: Гнозис, 1994. С. 179.*

⁴⁶ *Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939, Diamond C. (Ed.). Hassocks: Harvester, 1976. P. 207.*

⁴⁷ *Витгенштейн Л. Желтая книга // Там же. С. 103.*